

На кладбище. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

На кладбище. Василий Макарович Шукшин

Ах, славная, славная пора!.. Теплынь. Ясно. Июль месяц... Макушка лета. Где-то робко ударили в колокол... И звук его – медленный, чистый – поплыл в ясной глубине и высоко умер. Но не грустно, нет.

...Есть за людьми, я заметил, одна странность: любят в такую вот милую сердцу пору зайти на кладбище и посидеть час-другой. Не в дождь, не в хмарь, а когда на земле вот так – тепло и покойно. Как-то, наверно, объясняется эта странность. Да и странность ли это? Лично меня влечет на кладбище вполне определенное желание: я люблю там думать. Вольно и как-то неожиданно думается среди этих холмиков. И еще: как бы там ни думал, а все – как по краю обрыва идешь: под ноги жутко глянуть. Мысль шарахается то вбок, то вверх, то вниз, на два метра. Но кресты, как руки деревянные, растопырились и стерегут свою тайну. Странно как раз другое: странно, что сюда доносятся гудки автомобилей, голоса людей... Странно, что в каких-нибудь двухстах метрах улица, и там продают газеты, вино, какой-нибудь амидопирин... Я один раз слышал, как по улице проскакал конный наряд милиции – вот уж странно-то!

...Сидел я вот так на кладбище в большом городе, задумался. Задумался и не услышал, как сзади подошли. Услышал голос:

– Ты чего тут, сынок? Это моя могилка-то.

Оглянулся, стоит старушка, смотрит мирно.

– Моя могилка-то, – сказала она еще.

Я вскочил со скамеечки... Смутился чего-то.

– Извините...

– Да что же?.. Садись, – она села на скамеечку и показала рядом с собой. – Садись, садись. Я думаю, может, ты перепутал могилки.

Я сел.

– Сынок у меня тут, – сказала она, глядя на ухоженную могилку. – Сынок... Спит, – она молча поплакала, молча же вытерла концом платка слезы, вздохнула. Все это она проделала привычно, деловито... Видно, горе ее – давнее, стало постоянным, и она привыкла с ним жить.

– А ты чего? – спросила старушка, повернувшись ко мне. – Тоже есть тут кто-нибудь?

– Нет... я так. Зашел просто... Зашел отдохнуть.

Старушка с любопытством и более внимательно посмотрела на меня.

– Тут рази отдыхают...

– А что? – я все боялся как-нибудь не так сказать, как-нибудь неосторожно сказать. – Тут-то и отдохнуть. Подумать.

– Оно так, – согласилась старушка. – Только дума-то тут... вишь, какая? Мне надо там лежать-то, мне, а не ему, – она повернулась опять к могилке. – Мне надо лежать там, а он бы приходил да сидел тут – мне бы и спокойней было. Куда лучше! Только... не нам это решать дадено, вот беда.

– Давно схоронили?

– Давно. Семь лет уж.

– Болел?

На кладбище. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Старушка не ответила на это. Долго молчала, слегка покачивала головой – вверх-вниз. Когда я пригляделся потом, понял, что у нее это почти все время – покачивает головой.

– Двадцать четыре годочка всего и пожил, – сказала старушка покорно. Еще помолчала. – Только жить начинать, а он вот... завалился туда... А тут, как хошь, так и живи, – она опять поплакала, опять вытерла слезы и вздохнула. И повернулась ко мне. – Неладно живете, молодые, ох неладно, – сказала она вдруг, глядя на меня ясными умытыми глазами. – Вот расскажу тебе одну историю, а ты уж как знаешь: хошь верь, хошь не верь. А все – послушай да подумай, раз уж ты думать любишь. Никуда не торопись?

– Нет.

– Вот тут у нас, на Мочишсах... Ты здешный ли?

– Нет.

– А-а. У нас тут, на окраинке, место зовут – Мочишши, там военный городок, военные стоят. А там тоже есть кладбище, но оно старое, там теперь не хоронят. Раньше хоронили. И вот стоял один солдат на посту... А дело ночное, темное. Ну, стоит и стоит, его дело такое. Только вдруг слышит, кто-то на кладбище плачет. По голосу – женщина плачет. Да так горько плачет, так жалко. Ну, он мог там, видно, позвонить куда-то, однако звонить он не стал, а подождал другого, кто его сменяет-то, другого солдата. Ну-ка, говорит, послушай: может, мне кажется? Тот послушал – плачет. Ну, тогда пошел тот, который сменился-то, разбудил командира. Так и так, мол, плачет какая-то женщина на кладбище. Командир сам пришел на пост, сам послушал: плачет. То затихнет, а то опять примется плакать. Тогда командир пошел в казарму, разбудил солдат и говорит: так, мол, и так, на кладбище плачет какая-то женщина, надо узнать, в чем дело – чего она там плачет. На кладбище давно никого не хоронят, подозрительно, мол... Кто хочет? Один выискался: пойду, говорит. Дали ему оружие, на случай чего, и он пошел. Приходит он на кладбище, плач затих... А темень, глаз коли. Он спрашивает: есть тут кто-нибудь живой? Ему откликнулись из темноты: есть, мол. Подходит женщина... Он ее, солдат-то, фонариком было осветил – хотел разглядеть получше. А она говорит: убери фонарик-то, убери. И оружие, говорит, зря с собой взял. Солдатик оробел... «Ты плакала-то?» – «Я плакала». «А чего ты плачешь?» – «А об вас, говорит, плачу, об молодом поколении. Я есть земная божья мать и плачу об вашей непутевой жизни. Мне жалко вас. Вот иди и скажи так, как я тебе сказала». «Да я же комсомолец! – это солдатик-то ей. – Кто же мне поверит, что я тебя видел? Да и я-то, – говорит, – не верю тебе». А она вот так вот прикоснулась к нему, – и старушка легонько коснулась ладонью моей спины, – и говорит: «Пове-ерите». И – пропала, нету ее. Солдатик вернулся к своим и рассказывает, как было дело – кого он видал. Там его, знамо дело, обсмеяли. Как же!.. – старушка сказала последние слова с горечью. И помолчала обиженно. И еще сказала тихо и горестно: – Как же не обсмеют! Об-смею-ут. Вот. А когда солдатик зашел в казарму-то – на свет-то, – на гимнастерке-то образ божьей матери. Вот такой вот, – старушка показала свою ладонь, ладонь. – Да такой ясный, такой ясный!..

Так это было неожиданно – с образом-то – и так она сильно, зримо завершала свою историю, что встань она сейчас и уйди, я бы снял пиджак и посмотрел – нет ли и там чего. Но старушка сидела рядом и тихонько кивала головой. Я ничего не спросил, никак не показал, поверил я в ее историю, не поверил, охота было, чтоб она еще что-нибудь рассказала. И она точно угадала это мое желание: повернулась ко мне и заговорила. И тон ее был уже другой – наш, сегодняшний.

– А другой у меня сын, Минька, тот с женами закружился, кобель такой: меняет их без конца. Я говорю: да чего ты их меняешь-то, Минька? Чего ты все выгадываешь-то? Все они нонче одинаковые, меняй ты их, не меняй. Шило на мыло менять? Сошелся тут с одной, ребеночка нажили... Ну, думаю, будут жить. Нет, опять не ложилось. Опять, говорит, не в те ворота заехал. Ах ты, господи-то! Беда прямо. Ну, пожил один сколько-то, подвернулась образованная, лаборанка, увезла его к черту на рога, в фергану какую-то. Пишут мне оттудова: «Приезжай, дорогая мамочка, погостить к нам». Старушка так умело и смешно передразнивала этих молодых в фергане, что я невольно засмеялся, и, спохватившись, что мы на кладбище, прихлопнул смех ладонью. Но старушку, кажется, даже воодушевил мой смех. Она с большей охотой продолжала рассказывать. – Ну, я и разлысила лоб-то – поехала. Приехала, погостила... Дура старая, так мне и надо – поперлась!

– Плохо приняли, что ли?

– Да сперва вроде ничего... Ведь я же не так поехала-то, я же деньжонок с собой повезла. Вот дура-то старая, ну не дура ли?! Ну и пока деньжонки-то были, она ласковая была, потом деньжонки-то кончились, она: «Мамаша, кто же так оладьи пекет!» – «Как кто? – говорю. – Все так пекут. А чего не так-то?». Дак она набралась совести и давай меня учить, как оладушки пекчи. Ты, говорит, масла побольше в сковородку-то, масла. Да сколько же тебе, матушка, тада масла-то надо? Полкило на день? И потом, они же черные будут, когда масла-то много, не пышные, какие же это оладьи. Ну, и взялись друг дружку учить. Я ей слово, она мне – пять. Иди их переговори, молодых-то: черта с рогами замучают своими убеждениями, прости, господи, не к месту помянула рогатого. Где же мне набраться таких убеждений? А мужа не кормит! Придет, бедный, нахватается чего попади, и все. А то и вовсе: я, говорит, в столовку забежал. Ах ты, думаю, образованная! Вертихвостки вы, а не образованные, – старушка помолчала и еще добавила с сердцем: – Прокломации! Только подолом трясти умеют. Как же это так-то? – повернулась она ко мне. – Вот и знают много, и вроде и понимают все на свете, а жить не умеют. А?

– Да где они там знают много! – сказал я тоже со злостью. – Там насчет знаний-то... конь не валялся.

– Да вон по сколь годов учатся!

– Ну и что? Как учатся, так и знают. Для знаний, что ли, учатся-то?

– Ну да, в колхозе-то неохота работать, – согласилась старушка. – Господи, господи... Вот жизнь пошла! Лишь ба день урвать, а там хоть трава не расти.

Мы долго молчали. Старушка ушла в свои думы, они пригнули ее ниже к земле, спина сделалась совсем покатою; она не шевелилась, только голова все покачивалась и покачивалась.

Опять где-то звякнул колокол. Старушка подняла голову, посмотрела в дальний конец кладбища, где стояла в деревьях маленькая заброшенная церковка, сказала негромко:

– Сорванцы.

– Ребятишки, что ли?

– Да ну, лазият там... Пойду палкой попру, – старушка поднялась, посмотрела на меня. – Ты один-то не сиди тут больше, а то мне как-то... все думать буду: сидит кто-то возле моей могилки. Не надо.

– Нет, я тоже пойду. Хватит.

– Ага. А то все как-то думается... – вроде извиняясь, еще сказала старушка. И пошла по дорожке, совсем маленькая, опираясь на свою палочку. А шла все же податливо, скоро. Я посмотрел ей вслед и пошел своей дорогой.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!